

Я работаю в транспортной компании в большом офисном здании. Здесь же работают бухгалтера, переводчики, журналисты. Женский контингент представлен очень широко. Даже шире, чем можно себе представить. Алекс говорит: «Есть, где развернуться». Мы сидим в одной комнате вместе с ворчуном Рокки и тихоней Шуриком. Но об этих кадрах чуть позже.

Итак, Алекс. Алекс любит разворачиваться, потому что он — альфа. Альфа-самца легко выделить в серой бета-массе. Дело не в физической силе, внешности или большом уме. И даже не в размере кошелька или члена. В нашем прогрессивном обществе всё так перепуталось, что для определения статуса нужны более действенные методы.

Альфа-самцы всегда спорят с начальством. Всегда! Они априори ставят себя выше других, их мнение, даже заведомо ошибочное — это их честь, которую они будут отстаивать до конца. Алекс может сделать вид, что согласился с боссом, но он сделает потом всё, чтобы доказать тому, что тот был не прав. И ещё будет высмеивать его за спиной среди коллег.

Или вот, например, имя. Алекс — такой же Шурик, как Шурик — Алекс. Только если альфа заставил всех называть себя Алексом, то бете — пофиг. И вот из таких-то мелочей и строится социальный статус.

Алекс похож на Тома Круза в молодости. Все девчёнки ему постоянно об этом говорят. Он специально делает мужественное лицо, хмурит брови, улыбается так же притворно, стрижётся, одевается как плейбой. Мимика такая же. Говорить он научился с расстановками и подколками. Он, конечно, никогда не признается в подражательстве и всё время поправляет, что это Том Круз похож на него, а не наоборот. На самом деле Алекс — это карикатура на Тома Круза. Думать об этом без смеха невозможно. Он как чёрт из табакерки — всегда пугает своим поддельным сходством с голливудским актёром.

Алексу нужна стая, и я не возражаю против такого союза. Мне нравится быть бетой. Всегда чувствуешь твёрдое плечо вожака, всегда есть, чем заняться. Кроме того, Алекс постоянно подгоняет новых самок (6—7). Сам он встречается с фотомоделью (10), но чтобы не терять квалификацию, он постоянно кадрит новых тёлок и тащит их на первое и последнее свидание. Троллить их доставляет Алексу огромное удовольствие. Он знает о моих предпочтениях и из кожи лезет вон, чтобы доказать мне, что я запутался. На таких парных свиданиях он ржёт всё время в кулак.

— Ты — падальщик! — говорит он сквозь смех, когда девушки уходят в уборную.

— Ты ничего не понимаешь в любви, — я уже немного смыкся с этим обидным определением, которое он дал мне, когда узнал о моём хобби.

— Нет, ты — падальщик! — от смеха он готов рухнуть со стула.

Мне хочется возразить ему, что все люди немного падальщики, когда делают скромный выбор. Даже он сам, встречаясь с шестёрками-семёрками, оставляет себе возможность однажды отведать падали. Но я устал от этих разговоров. Он всё равно ничего не поймёт. Он же альфа.

Фотомодели спят с бизнесменами, политиками и знаменитостями не просто так. Обычный трудяга, если он не альфа, как Алекс, выберет Маньку из соседнего подъезда, а не фотомодель. Потому что он падальщик. Среди моделей своя иерархия. Бизнесмен,

торгующий шингалетами, возьмёт модельку попроще, потому что он падальщик (если он не альфа). Начинающая фотомодель согласится спать за шингалеты, потому что она падальщица, но стоит ей только раскрутиться, она тут же начнёт искать вариант получше. Это человеческая природа, от неё не убежишь.

Я не играю в эти игры. Мне противны низменные инстинкты, классовая борьба, эволюционная чушь. Меня интересует только любовь. Можно сказать, я питаюсь любовью. Любым её проявлением.

Когда девочка приручена, когда она верит, что, наконец, обрела счастье, я начинаю медленно разрывать отношения. Любовь невозможно почувствовать без боли и страдания. Любовь не была бы таким сильным чувством без страха одиночества, без ревности, без ненависти к человеку, которого минуту назад безумно любил, которого ещё через секунду готов опять простить и полюбить с новой силой. Именно через любовь в человеке просыпается всё самое прекрасное. Любовь облагораживает и делает человека лучше.

Взять, например, Катю. На следующий день после нашей второй встречи, когда она узнала, что я работаю в том же здании, она полностью пересмотрела свой гардероб. Нет больше странного мешка с катышками, надеваемого через голову, нет джинсов и спортивных кроссовок. Теперь на работу она наряжается, как на праздник: голубенькая блузочка с рюшечками, чёрная юбочка до колен, пиджачок, туфельки, сумочка дамская. И не носится, как угорелая по коридорам, а плавает, как лебедь, выпрямив спину и расправив плечи. Не ходит больше с подружкой-дуройндой. Воистину, любовь творит с человеком чудеса.

Она уже готова идти на первое свидание, моя прыщавая очкастая тощая принцесса-кролик. Алекс сгорает от нетерпения, когда же я представлю ему мою новую пассию.

В субботу мы идём на парное свидание: я, малышка Кэйт, Алекс и его моделька Лера. Про Леру можно сказать два слова: тупая блондинка. Она не похожа ни на кого. Как пластиковая кукла Барби, которых тысячами штампуют на заводе. Встречу через год — даже не вспомню.

— Ой, не смеши меня, сейчас описываюсь, — сколько раз я слышал от неё эти слова. Катя бы никогда не позволила себе такую вульгарность, а блондинке-модельке всё сходит с рук. Алекс будет любить её не за то, что она сцытся, как корова, на каждом углу, а за то, что она живёт в той же системе координат, ориентируется на те же жизненные приоритеты, что и он. Всегда знаешь, чего от неё ожидать. Она — блондинка в законе. Она — его главный трофей, готовый для потребления продукт наивысшего качества.

Лера с отвращением посматривает на Катю. Встретились десяточка с единичкой. Эти гнойные угри на лице у Кати вызовут рвотный рефлекс у кого угодно, только не у меня. Поэтому девушки совсем не общаются, каждая держится за своего парня. Катя выглядывает всё время с опаской из-за моей спины.

Мы приходим в ресторан, и тут уже деваться некуда. Столик на четверых, все друг друга хорошо видят. Алекс ждал этого момента целую неделю. Я просил его не троллить Катю, поэтому он просто ведёт светскую беседу. Интересуется, чем Катя занимается на работе. Оказывается, бухгалтерией. Как интересно...

Катя не привыкла к такому вниманию и включает притворную самоуверенность — ещё один приём, которому научились мои девочки за долгие годы борьбы за место под солнцем. Катя говорит чуть громче, чем обычно, говорит отрывисто, как на собеседовании, ревниво следит за тем, чтобы её не перевирали, это самое главное — все должны твёрдо уяснить: всё, что она сейчас прошепелявит про себя, — окончательно и бесповоротно принадлежит только ей, не

подлежит обсуждению или сомнению. И боже упаси, высмеять её при всех за что-либо из сказанного. Она обидится смертельно, обратит шутку на обидчика, закатит скандал, истерику, встанет и уйдёт. Она, как мина, на которую можно легко наступить неудачной шуткой. Она, как нищенка, готовая отстаивать свои лохмотья до последнего, равно как и свою честь. Все за столом чувствуют это, и никто, даже Алекс, не рискует связываться с Катей. Разговор быстро переходит на другую тему.

Я провожаю Катю домой. Она, кажется, расстроена сегодняшним вечером. Она не так себе представляла наше первое свидание. Ещё бы. Сидела, как на экзамене весь вечер. Мина замедленного действия. Но она сама виновата. Не могу же я подстраиваться под неё. Неожиданно она начинает рассказывать мне про какого-то мальчика, с которым когда-то встречалась.

О, это так мило! Нет ничего прелестнее непрошенных интимных откровений, которыми мои девочки пытаются набить себе цену. Мои верят в проклятье, венец безбрачия, верят в то, что главное начать, а потом парни сами будут стелиться перед ними штабелями. Для этого мои выдумали себе мифического первого парня. Этот мальчик красиво ухаживал за ней когда-то, и они расстались без боли, но с нежной грустью друг о друге. Конечно, ему нужно было уехать, а потом всё поменялось. Но у неё остался драгоценный опыт, который ни на что не променяешь. И теперь она готова к новым отношениям. Но она цветок нежный, требующий особого, бережного обращения. Она ведь знает, что такое красивые ухаживания.

Теперь у меня нет ни малейшего сомнения: Катя ни разу в жизни не целовалась и ни один парень не держал её даже за руку по своей воле. Намекать ей об этом ни в коем случае нельзя. Есть два варианта: принять всё к сведению, проглотить, так сказать, и продолжить как ни в чём не бывало или...

Я включаю ревнивого молодого юношу, мечтавшего о девственнице.

Ты сильно его любила? Вы долго встречались? У вас всё серьёзно было?

Она робеет, пытаясь меня успокоить.

Видишь, Катя, до чего доводит враньё! Ай-ай-ай! Теперь я ещё хорошенко подумаю, нужна ли мне такая девица с прошлым. Я окончательно замыкаюсь в себе. Не могу поверить: я искал девственницу, а тут такое. Иду мрачный, как туча.

Мы подходим к её подъезду, я прощаюсь без всяких поцелуйчиков в гнойную щёчку, и тут малышка Кэйт делает ход конём:

— Хочешь, зайдём ко мне?

Что она задумала? Неужели ревнивец проканал? Может, я что-то упустил и она действительно порочная сучка, которая не против потрахаться в первый же вечер?

Мы поднимаемся на лифте. Мучительно долго ищем ключи в сумочке, наконец, не выдерживаем и звоним в дверь!

Ба, да это смотрины! На пороге весь свинарник в сборе: мама-свиноматка, папа-хряк, вокруг бегают поросёнка, ещё свинья-старушка откуда-то выползла — все, выпучив на меня ошелёвленные глазищи, столпились перед дверью.

Катя, радостно:

— Смотрите! Я привела Хрюшу для продолжения рода! А вы говорили! — они все, как один, кроме поросёнка, пялятся на меня, как на ненормального.

— Ну проходите раз так... — ворчит старый хряк.

Вся семейка в шоке заваливается на маленькую кухоньку. Меня сажают на табуретку по

центру, под самую лампочку, и начинается допрос с пристрастием: где познакомились, при каких обстоятельствах, как давно. В том, что я будущий хряк Кати, здесь уже не сомневаются. Стесняются спросить, когда свадьба, но, похоже, готовы без меня обсудить этот вопрос, свиней ведь по осени режут...

Когда всё заканчивается, мы идём с Катей в её комнату. Она хочет показать мне фотоальбом. Всё ещё надеется, что я начну к ней приставать, и она сможет, наконец, проявить себя, как женщина, и отказать в поцелуе зарвавшемуся юноше. Во мне горит зловещий огонь мести. Никакой пощады самоуверенным девственницам. Я к ней даже пальцем не прикоснусь. Сама приползёт на коленях за поцелуем.

Мы сидим рядом на кровати. Это прикосновение наших ног, наверняка, возбуждает её. Ждёт, что я обниму её за пояс. Нет уж!

Расстроенная, она выходит из комнаты, чтобы позвонить. Я остаюсь один и по инерции открываю верхний ящик комода у стены.

Вот они! Чёрные трусики с полоской кружев. Так я и знал! Ну что ж. Месть моя будет сладкой. В следующий раз ты увидишь эти трусики на мне.

Я засовываю их в карман джинсов.